

Ирина Котова

СТАЛЬНЫЕ НЕБЕСА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К73

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Станислава Дудина*
Иллюстрации в тексте *Анны Ларюшиной* и *Вероники Акулич*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Котова, Ирина Владимировна.

К73 Королевская кровь. Стальные небеса : роман / Ирина Котова. — Москва : Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 480 с.: ил. — (Другие миры).

ISBN 978-5-17-127094-0

У меня необыкновенная семья. Одна моя сестра помогла пустыне превратиться в зеленую страну. Вторая вошла в легенды, оседлав гигантского огненного духа и закрыв портал в другой мир. Третья — спасла мужа и короля, отстояв его у смерти. Четвертая помогает вернуться в наш мир изгнанному богу, а пятая оказалась носителем редчайшего пророческого дара.

Это все о моих сестрах — но я другая. Мне остается только заглушать чувство вины работой и плакать ночами. Потому что рядом нет того, кого я так отчаянно ненавидела и так безумно любила. И смысла жить больше нет.

Или есть?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-127094-0

© Ирина Котова, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Девятое апреля, Инляндия, Дармоншир

Провал, пылающий среди зеленого рассветного леса, окутанного инляндским туманом, был похож на распахнутый в агонии рот: с неровными краями, подернутыми белесой каймой пепла, с языком-огнем, поднимающимся над землей.

В дымке у ямы стояло несколько человек, одетых в траурные одежды. Две молодые женщины — одна из них со вдовьей фиолетовой лентой в светлых волосах — и женщина постарше, поддерживаемая бледным офицером, который так клонился вбок, что непонятно было, кто кого поддерживает. Находились здесь и мужчины, в том числе военные; был и служитель Триединого, уже отчитавший слово прощания. Двое солдат на веревках опустили в яму темный небольшой ящик — и огонь вдруг заревел, взметнувшись выше деревьев, будто снизу его раздуло мощным порывом ветра.

Отшатнулись все, кроме вдовы, стоявшей у края провала и что-то прижимавшей к груди. Пламя окутало ее, скрыв на мгновение, но не тронуло, отступив, — а она, тонкая, с отчаянием, плещущимся в голубых глазах, напряженная, как струна за миг до срыва, так и не двинулась с места. На секунду показалось, что она сама готова прыгнуть вниз, — но тут старшая женщина тихо и тревожно окликнула ее. Молодой офицер, тяжело шагнув вперед, взял овдовевшую за руку — и она вздрогнула, оглянулась, сказав что-то успокаивающее. Военный отступил, а женщина снова повернулась к огню.

К груди она прижимала платиновый брачный браслет, покрытый копотью, потеками застывшего пластика, ошметками человеческой плоти и запеченной кровью.

Марина

Огонь ревел, ворочался у моих ног, заволаживал, успокаивал и утешал, целуя горящее лицо и трясущиеся руки, поднимаясь из кремационной ямы, что стала братской могилкой для десятков солдат — тех, кого мы не смогли спасти, и тех, кого не успели довести до замка Вейн.

Теперь она стала последним пристанищем для моего Люка. Для того, что от него осталось. Мы не могли рисковать, закрывая его останки в семейном склепе: маг Тиверс при освидетельствовании сообщил, что известны случаи, когда и фрагменты человеческих тел перерождались в мелкую нежить.

Я не хотела Люку такого посмертия.

Внутри у меня все было выжжено. Мертво. Я не ощущала ничего, кроме головокружения и звона в ушах, и звуки казались отдаленными, странными. Кремационный ящик полыхал красноватым пламенем, а я сжимала в руке брачный браслет Люка. Целые сутки, пока шли опись и следствие, медицинское и виталистическое освидетельствование и подтверждение того, что части руки и ноги действительно принадлежат мужу, я не могла заставить себя снова взглянуть на его останки.

Но когда солдаты уже несли ящик к огню, я приказала остановиться, подняла крышку и дрожащими пальцами содрала с переломанного запястья мужа браслет.

Я отступила от ямы, только когда сильнее закружилась голова, а в горле плеснуло желчью. Повернулась — родные и домочадцы Люка ждали меня: леди Шарлотта, прижавшаяся к Бернарду и невыносимо тусклая; Маргарета, пронзившая меня тяжелым обвиняющим взглядом. Дворецкий Ирвинс, Жак Леймин, капитан Осокин, несколько слуг и маг Тиверс.

Я подошла к леди Лотте и взяла ее под вторую руку. И мы, придавленные горем, медленно, тихо побрели сквозь рассеивающийся туман обратно к замку.

Эти сутки были страшными. Безжалостными. Наполненными болью. Неверием. Надеждой и отчаянием. Воспоминаниями и звуками его хриплого голоса, когда я вскидывалась на кровати — потому что казалось, что он стоит рядом и зовет меня, — ненавистью к себе и тяжелым, глу-

хим, разъедающим душу пониманием, что это всё, что он действительно мертв.

Как я не свихнулась в первые часы после известия о его гибели, я не знаю.

Хотя нет, знаю. Меня спасла Пол.

Когда я вынырнула из темноты после обморока, в который упала, увидев то, что осталось от моего мужа, единственное, что я осознавала, — мне тяжело дышать. Тело было деревянным, сводило горло, и я застонала, пытаюсь разглядеть происходящее вокруг.

— Марина Михайловна, не двигайтесь, — раздался голос нашего виталиста Росса Ольвера. Он держал меня за правую руку, склоняясь надо мной — темный, размытый силуэт. Кожу покалывало — сканировал, — затем по телу потекла прохладная вита, заставляя мышцы расслабиться. Через секунду прекратилась боль. Я попыталась вдохнуть — и не смогла, потому что вернулись воспоминания.

Сора, Люк, сапфировая нить на моей щиколотке, изуродованная рука с впеченным в мясо брачным браслетом.

Я захрипела, выгибаясь на постели, сжимая ладонью горло и поворачиваясь на бок. Начался приступ удушья.

В окна бил солнечный свет, а у кровати сидела бледная, похожая на восковую куклу с заострившимися чертами лица и безжизненными глазами леди Лотта и смотрела, как я сиплю и задыхаюсь. Приступ не отпускал, и я не могла протолкнуть воздух в легкие, но все окружающее видела и осознавала так четко, будто была в полном порядке.

У стены, нервно сжимая руки, стояла Мария, моя горничная; приподнялся и со стоном рухнул обратно в кресло в углу Бернارد — я отчетливо рассмотрела капли пота на его лбу, — от открытого окна повернулась Рита. Я увидела ее красное заплаканное лицо, глаза, сверкающие ненавистью. Она была бы рада, если бы я тоже умерла.

Да и я была бы этому рада.

— Господин Ольвер? — прошелестела леди Лотта, переводя взгляд куда-то поверх моего плеча.

— Я пытаюсь, — пробормотал Росс, вдавливая пальцы мне в висок и в запястье.

Я еле слышала его сквозь судорожные сипы, производимые моей сокращающейся диафрагмой и сдавленным горлом. Перед глазами начали плясать темные пятна.

— Это психическое, от шока, сейчас... не успокоить, — бубнил виталист нервно. — Придется отправить ее светлость в стазис...

Взгляд мой остановился на часах, стоящих на прикроватном столике рядом с шаманским мешочком.

Без трех минут двенадцать.

Я рванулась вперед, вывернувшись из-под рук Ольвера, когда тело уже начало сковывать оцепенением. Виталист попытался перехватить меня, но я с рычанием оттолкнула его, хватаясь за мешочек. Горло отпустило, в горячие легкие полился воздух, а я трясущимися влажными руками развязала тесемки, выхватила иглу, чуть не выронив ее, и неаккуратно загнала себе в левую руку. И упала обратно на кровать, тяжело дыша, — кожу словно окатило кипящим маслом, кости в теле заныли, а из глаз побежали слезы. Но от браслета на запястье уже шли прохладные волны, и тело расслабилось так, что стало казаться пустым и легким.

Щелкнуло, и часы в гостиной забили полдень. А я смотрела в потолок и дышала, дышала, чувствуя, как от напряжения из носа в горло идет кровь.

Я могла ненавидеть себя, но сегодня я не стану причиной смерти сразу двоих близких людей.

Росс Ольвер остановил мне кровь, проверил состояние и ушел, уводя Бернарда — тому стало хуже, и он едва не рухнул, сделав несколько шагов. Ушла и Мария, оставив меня, Маргарету и леди Шарлотту одних.

Когда я осмелилась повернуть голову, свежескопавшая так же сидела у кровати в моей разгромленной спальне и смотрела на меня. Но в заплаканных, горестных глазах ее не было обвинения, не было ненависти. И я сползла на пол, положила голову ей на колени, обняла за ноги.

— Я во всем виновата, — сказала я глухо.

Она сжала мои плечи, а затем легко погладила по волосам. Я подняла голову — леди Лотта плакала.

— Я очень хотела обвинить тебя, — ответила она тихо. — Но не буду. Не ты стреляла в его самолет.

Она не хотела меня ненавидеть — а мне так нужно было, чтобы хоть кто-то уничтожил меня.

— Мы поссорились, — продолжила я, глядя ей в глаза.

— Знаю, — проговорила она.

— Все знают! — срывающимся голосом крикнула от окна Рита. — Из-за нее он улетел!

Я сжалась, зарыдав.

— Маргарета, замолчи! — Леди Лотта жестко вцепилась мне в плечи, до боли. — Марина, посмотри на меня!

— Рита права, — проговорила я, запрокидывая голову и вытирая мокрые щеки. — Это я его убила. Я. Я, понимаете? Он прилетел ко мне, а мне так плохо было, и я его прогнала... Не знаю, как жить с этим ... Как я хочу умереть-есть... Простите меня, простите... — Меня снова начало трясти, и тут свекровь сама несколько раз тряхнула меня. Губы ее дрожали, лицо было искажено.

— Чтобы я не слышала больше о смерти! — прошипела она мне в лицо незнакомо, жестко и тут же прижала к себе, к груди, укачивая и всхлипывая. — Бедная девочка, — говорила она, глядя меня по спине, — как мы будем теперь, Марина? — Руки ее были горячими, и сердце колотилось рвано, гулко. — Ты не знаешь, как тебе жить? Это я не знаю... теперь, когда я потеряла их обоих. Но у меня есть Берни и Рита. Рита... Рита, иди сюда, Рита... дочка моя...

От окна доносились всхлипы, а свекровь продолжала говорить, то сжимая меня, то глядя; как бы тяжело мне ни было, я понимала, что и она на грани истерики.

— Люк — часть меня, мой мальчик, сын мой... — шептала она, — жизнь моя. И ты, Марина, и твои с Люком дети... все, что осталось у меня от него. Ты и дети! И ты обязана жить для них. — Она снова сжала меня до боли, заставила поднять голову. — Я не виню тебя. Но обещай мне, что будешь жить! — Она почти рычала, по щекам ее текли слезы.

Мне хватило сил только кивнуть. Страшно было, что леди Шарлотта сейчас не выдержит, сломается, потому что в глазах ее проскакивало что-то пугающее, почти безумное. Что-то, что я ощущала и в себе, — лихорадочное, болезненное, разрывающее душу.

Раздались шаги: от окна подошла Маргарета, опустилась рядом со мной на колени, обняла и меня и мать, и мы застыли, ощущая, как тяжелой плитой наваливается на нас горе. Мы то молчали, то начинали говорить, то плакали — и долго сидели вот так, обнимая друг друга и не в силах оторваться, отстраниться от поддержки.

— Люк такой... такой он всегда был, — шепотом говорила свекровь. — На грани, безрассудный, любимый мой сын. Он

столько раз умирал, и я умирала вместе с ним, что сейчас просто не могу в это поверить. Я привыкла, что он всегда побеждает... Люк мой, Люк... мальчик мой... не могу поверить!

В груди у меня сдавило и тут же полыхнуло надеждой.

— Но ведь тело не нашли, — сказала я сипло, отодвинувшись и вытирая опухшие глаза. Леди Лотта смотрела на меня с понимающей обреченностью.

— С такими повреждениями не живут, — резко произнесла Рита. Она то отворачивалась, то смотрела на меня с яростью, которая сменялась растерянностью и жалостью. — Даже если он не умер от ожогов, он бы умер от потери крови. Майор сказал, был прилив, тело унесло, а фрагменты застряли меж камней. Он сказал, самолет разбился в лепешку, половину обломков тоже смыло.

Она была права, но я помотала головой, поднимаясь. Я должна была увидеть место крушения. Я должна была сама увидеть, мог он выбраться или нет.

— Военные, которые нашли самолет, еще здесь? — спросила я.

Леди Шарлотта покачала головой.

— Они уехали в Третий форт.

Я потерла ладонями лицо и потянулась к телефону — набрать Леймина.

Через час мы с леди Лоттой и Ритой стояли в окружении охраны и военных на мокрых валунах у моря. Прибыли и те, кто нашел Люка, и командующий Майлз, который выглядел так, будто его сначала помиловали, а потом снова повели на плаху, и еще несколько высоких чинов, комендантов и командиров.

Царило молчание, у разбитого самолета суетились военные следователи, и только волны шуршали в пяти метрах от аппарата.

Самолет, черный, мокрый после прилива, с потеками воды на обгорелых сиденьях, расплющенный, с вывернутыми железяками и острыми торчащими во все стороны обломками, на которых лишь кое-где сохранился красный лак, выглядел так, будто его переехало катком. Выжить после такого крушения было невозможно.

Я вздохнула, прижимая руки к животу, вытерла снова пошедшую носом кровь и попросила отвезти нас обратно в замок Вейн.

Командующий Венсан Майлз

Весь последующий день и ночь прошли как в тумане. Вернувшись, я рухнула в постель и больше не встала. Не могла есть и пить, но заставляла себя ради детей, не могла спать — и тут уже воля не помогала. Безжалостная память подкидывала мне то картины ссоры — я половину вспомнить была не в состоянии, — то наши с Люком счастливые мгновения. Длинные чуткие пальцы, ухмылку, хриплое «детка», темные глаза, странную и смешную любовь к драгоценностям, к скорости и ко мне, которая и убила его.

Как бы я хотела все изменить. Как бы я хотела быть с ним каждый момент, который был нам отпущен.

И сейчас, ступая по парковой дороге рядом с леди Лоттой и Бернардом, я тоже была погружена в воспоминания. Сзади раздался голос капитана Осокина, но я по инерции продолжила идти вперед, пока леди Лотта мягко не заставила меня остановиться.

Пересекая дорожку, в трех шагах впереди поспешно полз в сторону моря длинный желтый полоз, не обращая на нас внимания. Чуть в отдалении я увидела темного ужа, скользнувшего в траву.

— Мы уже с десятков змей видели, — пробормотал Берни.

— Слуги боятся выходить из замка, — подал голос Дулсон. — Везде змеи. Шепчутся, что проснулся змеинный король.

Я слушала эти реплики словно сквозь туман. Голова кружилась все сильнее.

Мы снова направились вперед, то и дело останавливаясь, чтобы пропустить очередного ползущего гада. Зазвонил телефон. Краем уха я уловила, как Леймин что-то уточняет в трубку.

Мы вышли из парка.

— Ваша светлость! — Леймин нагнал меня, пошел рядом, и я с трудом заставила себя повернуть голову. — Пришли новости из Рудлога. Ваша сестра, ее величество Василина, вернулась. Говорят, прилетела на гигантском огненном звере и закрыла портал на Севере.

Я остановилась, слабо улыбнувшись и прислушиваясь к себе. На мгновение даже алчная, больная пустота моя скрылась под разлившимся в душе теплом.

Сестра действительно больше не находилась под землей. И теперь, судя по всему, имя ее окончательно войдет в легенды.

— Спасибо, Жак, — поблагодарила я хрипло. И только хотела двинуться дальше, как в небе раздалось хлопанье больших крыльев — и я, задыхаясь от снова вспыхнувшей, невероятной надежды, вскинула голову. Это должен был быть Люк. Люк. Люк!

Мелькнул светлый силуэт, затем еще один, и еще — и я снова заплакала, глядя, как перед замком один за другим опускаются белые драконы.

Огненная птаха добралась до Истаила, и Ангелина выполнила мою просьбу. Теперь в замке Вейн будет мало места для смерти.

Жаль, что ни Люка, ни меня это уже не спасет.

Два дня назад, седьмое апреля, Пески

Ангелина

Владычицу Песков во дворце называли нари-вая — неутомимая, неспящая. Хотя, конечно, она спала, иногда даже больше шести часов в сутки. Слишком много чего нужно было сделать и слишком много куда успеть.

Ангелина настолько влилась в жизнь Песков, настолько прониклась ею, что испытывала огромное удовольствие, глядя, как запускается неповоротливый маховик изменений, как незаметные, точечные решения вырисовывают контур глобального скачка в развитии страны. Она была счастлива и в работе, и в редкие минуты отдыха с мужем. Единственное, что омрачало ее жизнь помимо текущей войны, в которую был погружен Рудлог и которая могла прийти и в Пески, — невозможность регулярно общаться с сестрами.

Телепорты не работали, телефонную линию все еще тянули из эмирата Тайтана к Истаилу — изначально проложить хотели из Теранови, но через Милокардеры это было во много крат сложнее. Ангелина могла бы попросить Нории отнести ее в Теранови, чтобы позвонить сестрам и Мариану, но это была бы непозволительная трата времени и для нее, и для мужа. Поэтому Ани успокаивалась

знанием, что родные живы, и снова, как в те времена, когда жила здесь пленницей, писала письма, которые надеялась при случае отправить через посольство в горном городке.

Ее очень беспокоила Василина — она по-прежнему находилась под землей, только теперь двигалась от Ангелины на север. Страшно было представить, что испытывает младшая сестра, страшно, что не вернется. Но Василина, мягкая и нежная, к радости и гордости Ани, оказалась очень сильна — ведь до сих пор не растворилась в родной стихии. И Владычица каждое утро начинала с обращения к Красному Воину — чтобы не позволил страшному слушаться.

Марина почти не меняла свое положение, и пусть война была к ней ближе всех, Ани почему-то меньше всего за нее беспокоилась. С лордом Дармонширом было обговорено, что при необходимости он вывезет родных либо в Рудлог, либо в Пески, и, несмотря на упрямство Марины, Ангелина понимала: он сделает всё, чтобы убрать жену из-под удара.

Поля оставалась на севере. Очень хотелось знать, что с ней, помогли ли иглы, которые вкалывали после шаманского обряда, сумела ли сестра обрести человеческий облик окончательно. Но самое главное — четвертая Рудлог была жива, и страшная пустота, которая возникла в душе после ее смерти, не возвращалась.

Алинка тоже сместилась ближе к северу, но Ангелина знала, что ее планируют перевезти к столице, а изменение означало, что враг подошел близко к побережью и переезд, слава богам, прошел успешно.

С Каролиной и Святославом Федоровичем Ани общалась письмами, а пару раз родные даже прилетали навестить ее на попутном драконе. Младшая сестра, яркая, откуда-то набравшаяся привычки плавно жестикулировать, пахнувшая какими-то восточными благовониями, благо подобранными с мерой и вкусом, очень радовалась встречам, но при этом так искрилась счастьем, рассказывая про Тафию, что Ангелина никак не могла настоять, чтобы она осталась с ней в Истаиле. Хотя надо бы, для собственного спокойствия и безопасности сестры. Когда Ани спрашивала, что Каролина рисует сейчас и видела ли что-нибудь важное, та пожимала плечами и грустно отвечала:

— Войну. И никого знакомого, Ани. Я бы показала! — возмущенно добавляла она, потому что старшая сестра